

Сергей Уманов

Маленький бог

18+

Сергей Александрович Уманов

Маленький бог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43338316

SelfPub; 2019

Аннотация

Реальность или фантазия? Свобода выбора или предопределенность? Пусть каждый выберет для себя сам. Или?

...

Глава 1. Изменчивое русло.

Часть I

Ночь. На улице стоит промозглая осенняя погода. Октябрьский дождь мелкими косыми струйками моет брусчатку. Порывистый ветер гоняет редкую листву и обрывки бумаг от старых афиш и объявлений. Вокруг ни души. Невысокие дома стоят плотно друг к другу. Нет ни одного огонька в окнах. Улицу освещают лишь частые кованые фонари. Внезапно по улице раздаются эхом и разносятся в ночи торопливые шаги. В расстегнутом черном плаще, и удерживая одной рукой на голове цилиндр, вдоль домов бежит высокий худощавый человек.

– Еще двадцать минут назад я мирно спал в своей постели, а за три часа до этого был в предвкушении перемен. Я знал, что они грянут в моей судьбе, но даже не догадывался, что будут такими. Вот так в один миг русло событий может поменять свое направление и унести тебя неизвестно куда, – пронеслись мысли в моей голове одна за другой. – Он явно будет не в восторге от столь позднего моего визита. Но больше мне идти некуда. Он разумный человек добрейшей души. Уверен, он сможет меня понять. А вот и его дом 11 по Сайлент стрит.

Передо мной стоял красивейший дом во всей округе. За-

бегая вперед, хочу сказать, что он был трехэтажный облицованный серым камнем. По его стенам местами тянулась к небу густая растительность, которая, к слову, уже увядала. Большие окна правильной прямоугольной формы. На первом этаже они выступали наружу, на третьем же замыкая композицию, закруглялись в арку. А углы дома походили на башни. Это был настоящий маленький замок на одной из самых благополучных улиц города. Но разглядеть в полной мере это можно было только в светлое время суток. Ночью же от его царственного величия оставался только размер.

– Месье Гюго! Это я! Альберт! Прошу, откройте! – Кричал я, сопровождая зов частым стуком в дверь. Через несколько минут в одном из окон первого этажа показался мягкий приглушенный свет, и после этого дверь мне открыл человек среднего роста и комплекции. Как оказалось, тусклый свет в окно одной из комнат пробивался из прихожей. На вид этому мужчине было около сорока лет. Это был дворецкий. Он был наспех одет. Это было заметно хотя бы из-за неряшливо заправленной рубашки и по не завязанным шнуркам ботинок, которые были спрятаны внутрь обуви, но все равно частично вылезли наружу. Лицо его было усталым. Оно и не мудрено. На дворе стояла глубокая ночь. И все нормальные люди давно уже спали.

– Входите. Месье примет Вас в гостиной через пару минут. А-а-ах. – Сквозь сон произнес дворецкий и тихо зевнул. Я тотчас снял с себя сырой плащ и цилиндр и отдал ему,

затем пулей проскочил в гостиную, ориентируясь на яркий, но сконцентрированный в одной точке свет от огня. Волнение не унималось. Руки дрожали то ли от холода, то ли от адреналина переполнявшего меня от одних только воспоминаний о случившемся. Я пытался отогреться и прийти в себя, стоя у камина и протянув к огню руки чуть наклонившись вперед.

– Альберт, а ты рискованный парень, раз не боишься будить людей посреди ночи, – с этими словами в комнату вошел сам месье Гюго и включил большую люстру, которая висела в центре высокого потолка. – Что же привело тебя ко мне в столь поздний час?

– Бессонница! Мне очень хотелось ею с кем-нибудь поделиться! – Саркастично ответил я.

– Я польщен, но не обиделся бы, если бы ты выбрал кого-нибудь другого вместо меня.

– Не волнуйтесь, Ваших соседей я тоже разбудил!

– Ха-х! Ну, хоть что-то приятное! – С этими словами на его лице сонную угрюмость сменила улыбка. – И все же, что случилось?

– Вчера утром, когда я уже было, собирался идти в издательство, ко мне в дверь постучали. Я открыл. На пороге стоял солидно одетый молодой человек. Он представился мне помощником нотариуса и ничего не объясняя, протянул мне какую-то бумажку со словами: «Мне велели срочно Вам это передать лично в руки». Затем развернулся и ушел, не до-

жидаясь моего ответа. Я сразу взглянул на записку, там было лишь одно предложение и подпись: «Мистер Райт, Вам необходимо явиться сегодня по адресу: Лойер стрит дом 9 к десяти часам дня. Нотариус Стюарт Сэллинг». Я был крайне заинтригован и потому решил опоздать на работу и посетить нотариуса.

– И чего же он хотел от тебя? – Удивленно спросил меня месье.

– Когда я пришел к назначенному времени и поднялся в офис, то увидел там незнакомых мне людей. Как позже выяснилось, они ждали меня...

Воспоминания тут же ожили в моей голове так, будто это было настоящим, а не уже прошедшим событием.

« – Мистер Райт?

– Да. А Вы видимо мистер Сэллинг.

– Все правильно. Присаживайтесь. Теперь все в сборе и можем начать то, ради чего собственно и собрались. Уверен, каждый из вас по-своему удивлен, но я сейчас все объясню. Дело в том, что мистер Райт является внуком ныне усопшего мистера Ричарда Прауда, и был упомянут в его завещании.

– Извините, но я даже не знаю человека, о котором идет речь. А Вы сейчас мне говорите, что он мой дедушка. Как это может быть?

– Все очень просто: ваш отец – незаконнорожденный сын мистера Прауда, следовательно, Вы один из его родных вну-

ков. Так вот, с вашего общего позволения я, наконец, озвучу завещание: «Я – Ричард Прауд, завещаю в случае моей кончины своей жене Грэйс, нашей дочери Николь и ее двум детям: Максимилиану и Виктории загородный дом, прилежащий земельный участок и все материальные ценности, что находятся на его территории, а так же 40% от сбережений со счета в банке «ГолдФонд», по одной четверти от всего каждому соответственно. Моему же внуку Альберту Райту я завещаю все остальное движимое и недвижимое имущество, а именно: 60% сбережений в банке «ГолдФонд», 30% от всех акций вышеупомянутого банка, квартиру в центре Вилонтбурга и контрольный пакет акций корпорации «Гуд-Фуд» в размере 52% от общего их числа».

– Что!?! Почему практически все достается этому плебею, которого мы вообще впервые видим!?! – С этими словами вскочил с кресла Максимилиан и на секунду перевел взгляд с нотариуса на Альберта.

– Этого не может быть. Возможно, Вы ошиблись. Дайте-ка посмотреть... – Произнесла вдова и подошла к столу. – Как он мог так поступить?! Невероятно...»

– Недовольные взгляды новоиспеченных родственников прожигали меня насквозь. Со мной никто из них так и не решился заговорить. Примерно так и произошло воссоединение большой семьи.

– Но ты же не поэтому прибежал ко мне сейчас?

– Это правда. Я здесь по другой причине. Полчаса назад я проснулся от звука бьющегося стекла. В центре комнаты пылал огонь. Первые две секунды я не мог понять, что происходит, и только смотрел, пытаясь проморгаться от сонной пелены. Как вдруг в комнату через окно залетела бутылка с горючей смесью и разбилась. Я накрылся одеялом, бросил на пол подушку себе под ноги и побежал к двери, схватив по пути одежду. Пытался открыть входную дверь, но ручка не поворачивалась. Тем временем комната и кухня уже были объаты огнем, и выход через окно был отрезан. Я быстро оделся стоя у двери в коридоре и еще раз попытался ее открыть, но безуспешно. Едкий дым уже наполнил квартиру и начал сдавливать мои легкие. Я был на грани паники, но смог сохранить хладнокровие при этом разбавив его быстрым потоком мыслей и действий по спасению своей жизни. Тогда я оторвал дряхлую дверную ручку, вынул давно разболтавшийся стержень, оставшийся в другой ручке, и воткнул его в ту, что была у меня в руках. Вставил свободный конец стержня в замок и повернул. Защелка убралась. И, практически упав, я навалился на дверь всем своим весом. Она распахнулась. В сторону отлетела какая-то палка, а я выбежал из квартиры. Мне нужен был глоток свежего воздуха, и я спустился вниз. Но когда я захотел выйти наружу и приоткрыл дверь, то увидел перед домом мужчину одетого в длинный рыбацкий плащ с капюшоном. Его лицо до половины было чем-то закрыто. Он готовился бросить очередную бутылку в

окно моей квартиры на втором этаже. Но он заметил меня и в ту же секунду бросил ее в мою сторону. Я закрыл дверь и укрылся ею как щитом, вцепившись обеими руками в дверную ручку. Как вдруг дверь попытались открыть, и я дернул ее обратно на себя, и уперся одной рукой и ногой в дверную коробку. Ее потянули сильнее, затем еще сильнее, и тут я не в силах больше сопротивляться толкнул ее, выскочил из подъезда и пробежал мимо упавшего бандита, и не останавливался пока не добежал до вашего дома.

– Вот тебе и жаркий родственный прием. Наверняка это их рук дело. Кому же хочется делиться, а тем более с посторонним человеком.

– Мне неловко Вас просить, но можно мне пожить у Вас какое-то время?

– Хорошо. Но за тобой должок. И не спали мой дом, юный пироман.

– Тогда, я думаю, стоит потушить кухню... – Ответил я, приподняв брови и кивая головой, после чего сжал губы, сделав невинное лицо. Уж не знаю, насколько невинным оно получилось, учитывая мое обычно суровое худое лицо с острыми скулами.

– Что!?! – Месье Гюго открыл рот, посмотрел на меня испуганными глазами и было хотел побежать на кухню, и даже дернулся в ее сторону, сделав полшага, затем остановился, медленно повернулся ко мне и посмотрел, приподняв одну бровь. – А ты шутник, однако! – Улыбнулся и хлопнул меня

по плечу. – Жак покажет тебе твою комнату. Спокойной ночи. – И направился к выходу из гостиной.

– Спокойной ночи, месье.

Утром меня разбудил стук в дверь моей комнаты. Это был дворецкий Жак.

– Мистер Райт, Вас зовут к столу завтракать. – Послышался из-за двери голос Жака.

– Сейчас спущусь! – Только проснувшись и мало что еще понимая ответил ему я и посмотрел на часы стоявшие на тумбочке у кровати. Было 7:08. Затем лег на спину и около минуты молча смотрел в потолок, и пытался собраться с мыслями. Они не спешили меня посетить. И подобные минуты самые необычные из всех. В этот момент не чувствуешь ни счастья, ни горя, ни какого бы то ни было волнения. Разум абсолютно чист и на мгновение ты – это не ты и даже не человек. В этот момент особо ощущаешь единение со вселенной и наполняешься таким спокойствием, которое даже осознать не можешь пока мысли не вернут тебя обратно. Но когда это мгновение проходит, отношение к нему становится двояким: с одной стороны вновь хочется ощутить это невероятное спокойствие и продлить его, с другой же стороны становится страшно потерять способность мыслить и потерять свою индивидуальность, потерять себя полностью и перестать существовать. Ведь тело без мысли – это всего лишь тело. Возможно, именно так выглядит смерть, и страх перед этим забвением показывает истинную ценность мыс-

ли. И тот более жив, кто более других мыслит, как можно больше, чаще, шире. И тем более он индивидуален, тем далее от единения, чем скудно мыслящие люди. Ведь он уже сам является маленькой вселенной.

Затем я стал приходить в себя. Сел и не в силах держать голову, опустил ее. Мысли лениво, в порядке очереди наполняли разум. Но они были такими невнятными, что приходилось их прокручивать по несколько раз. После чего я поднял голову и окинул комнату взглядом, отбросил угол одеяла и встал с постели. Через пару минут я уже спускался по деревянной лестнице и шел на завтрак в столовую, где уже собралось все семейство Гюго.

– Всем доброе утро. – Добродушно поприветствовал их я.

– Доброе. Присаживайся с нами завтракать. – Произнес месье Гюго и показал рукой на свободный стул напротив него. – Знакомьтесь. Это наша прекрасная дочь Вивьен. А это мой юный друг и преданный нашему общему делу соратник Альберт Райт.

– Она действительно прекрасна. Очень рад нашему знакомству.

Передо мной была симпатичная стройная девушка моих лет, с длинными объемными темно-каштановыми волнистыми волосами и светлой, нежной кожей и словно медовыми глазами. Было очевидно, что она поздний ребенок и, скорее всего, долгожданный.

– Взаимно. Я слышала, что Вы почти как сын моему отцу.

Но не думала, что все настолько серьезно. Мне следует уже ревновать его к Вам? – С невозмутимым видом подшутила надо мной Вивьен.

– А Вы ко всему еще умны и остры на язык. Редкое сочетание. Боюсь я Вам не конкурент. – Также невозмутимо ответил я.

– Вы выглядите усталым, Альберт. – Подметила мадам Гюго.

Только взглянув на нее, было очевидно от кого их дочери досталась вся красота. Месье же был, судя по всему старше своей жены: седоволосый, с небольшим брюшком, невысокий, но жизнерадостный, позитивный человек.

– Вы правы, я долго не мог уснуть и чувствую себя не очень бодро.

– От чего же не могли уснуть: из-за пожара или плохо спите на новом месте? – Спросила меня мадам.

– Думаю и то, и другое. Но больше, конечно, из-за пожара.

– Тем не менее, через пятнадцать минут нам нужно ехать в редакцию. Так что ешь и подходи к гаражу. – Вмешавшись в разговор, добавил месье.

Месье Гюго один из немногих у кого в городе был свой автомобиль. Это детище техники только начало замещать лошадей и более являлось предметом роскоши и демонстрации положения его обладателя, нежели средством передвижения. Гюго нравилась его новая игрушка, и он всегда сам садился за руль и потому даже не думал нанимать шофера.

Утро выдалось солнечным, и когда я вышел на улицу и увидел его автомобиль, то не мог не разделить чувств месье Гюго. Эмаль, покрывающая машину, блестела на солнце, а сочетание цветов радовало глаз. В ней удачно были совмещены солидный черный и живой, страстный темно-вишневый цвета. Месье ждал меня уже готовый ехать. Я был рад этой возможности и, полюбовавшись автомобилем несколько секунд, сразу сел рядом с ним. Я не впервые видел его автомобиль, но это был первый раз, когда я видел его в таком свете и имел возможность прокатиться.

Гюго не сильно боялся опоздать на работу, ведь он и являлся владельцем данной газеты, названной в его честь "Шарж Гюго". И так как мы с ним находились в приятельских отношениях и одном автомобиле, я тоже не переживал, хоть время уже было близко к девяти утра, когда мы только приехали к издательству.

Часть II

Здание издательства "Шарж Гюго". Коридор второго этажа. Навстречу друг другу идут Альберт и невысокий полноватый мужчина тридцати лет с зачесанными назад густыми темными волосами и в коричневом костюме тройка с полностью расстегнутым пиджаком, но застегнутой на все пуговицы жилеткой из под которой хорошо видно белую рубашку.

В редакции меня встретил Дмитрий Перов. Мы часто работали с ним в связке. Он писал статьи, а я рисовал к ним карикатуры.

– Здравствуй, Альберт.

– Здравствуй, Перов.

– Сегодня к полудню нам надо быть в Государственной Думе. Недавно позвонили в редакцию и сообщили о пресс-конференции.

– Ты не против, если я до того времени отлучусь по своим делам? Мне необходимо написать заявление и отдать документы в нотариальную контору.

– Ты главное не опаздывай. А что за повод?

– Да так... Не бери в голову. – И я погруженный в мысли о предстоящих делах отправился к Сэллингу. Когда я пришел в офис, самого мистера Сэллинга не оказалось на месте, и с бумагами мне помог разобраться его помощник, после чего я в спешке отправился на работу. С Перовым же мы встретились вновь только на конференции.

– Что-то долго нам ничего не сообщают. – С этими словами Перов взглянул на часы на его запястье. – Уже почти три часа дня, я даже не успел пообедать. Сбегаю-ка я в местный кафетерий. Прикроешь меня если что?

– Конечно.

– Может тебе что-нибудь захватить?

– Нет. Я как раз таки успел перекусить немного по пути. Пока потерплю.

– Ну как хочешь. – И было хотел уже уходить, как вдруг распахнулись двери в зал и к нам вошел пресс-секретарь. Все репортеры в зале сразу приковали все свое внимание к нему.

– Сегодня, входе третьего чтения, был принят закон о скорой медицинской помощи. Теперь в целях экономии бюджета после внесения изменений каждый гражданин имеет право на 4 бесплатных вызова кареты неотложной скорой медицинской помощи в год. Все последующие должны оплачиваться согласно тарифу самими гражданами. На этом все, прошу считать конференцию закрытой.

– Вот так новости. Да они сами дают материал для высмеивания их политики и возмущений. – Гневно произнес я.

– Я уже знаю даже, что напишу про это. А с тебя, чур, не менее язвительная карикатура. Пошли в кафе, есть хочу дико. Там же и приступлю за статью. Руки так и чешутся уже. А ты заодно расскажешь, что у тебя за дела были утром.

– Вот про это я бы не хотел распространяться и больше не спрашивай меня про это. Хорошо?! Желательно о личном вообще не говорить. – Произнес я с лицом полным раздражения.

– Ну как скажешь... – Лицо Перова сразу переменялось. Еще секунду назад он был весел и полон энтузиазма, а сейчас смотрел на меня снизу вверх так, будто хотел заглянуть в самую душу, мрачный и безмолвный, а его обычно округлые щеки будто слегка даже обвисли. Однако когда мы сели за столик, и он взялся за блокнот и свою любимую шариковую

ручку, все вернулось на прежние места. Эту ручку он неизменно носил с собой уже больше года, менялся лишь стержень. Он объяснял это тем, что это самая удобная ручка, которую когда-либо он держал в своих пальцах и его ничуть не смущал ее уже потертый вид. – Как вчера сообщил пресс-секретарь президента: «Сегодня, входе третьего чтения, был принят закон о скорой медицинской помощи. Теперь в целях экономии бюджета каждый гражданин имеет право на 4 бесплатных вызова скорой медицинской помощи в год». Таким образом, все кто нуждаются в помощи чаще, но не располагают денежными средствами, будут отданы во власть естественному отбору. Умышленная ли это чистка рядов населения или обыкновенная недалёковидность, остается только гадать. Вот. Так и оставим. Нарисуешь Дарвина?

– Пока еще не знаю. Мне кажется, стоит преподнести все немного в другом ключе.

– Например?

– Например: тропа, по тропе идут люди, вдоль нее стоят четыре врача, затем развилка, с одной стороны за шлагбаумом стоит пузатый депутат и тянет руку за деньгами, позади него больница, с другой стороны дорога ведет на кладбище.

– Тебе не кажется это слишком оппозиционным? – С некоторым удивлением в адрес моих мыслей спросил Перов.

– А разве не в этом суть нашей работы – показать все как оно есть? До тех пор пока правительство дает поводы сомневаться в их преданности народу, а газета выпускается в этом

жанре, я буду шевелить в их глазах и бревна, и соринки. – С уверенностью в себе и с полным сердцем мятежа раздраженно ответил я.

– Я не уверен, что всем это понравится. – Нахмутив свои черные густые брови, произнес Перов. – А впрочем, делай, как знаешь. Не я редактор. – Резко смягчившись, безразлично добавил после.

Однако когда мы вернулись в редакцию, месье Гюго понравилась моя идея, и он предложил мне самому написать статью об этом для завтрашней газеты. Для меня это было в новинку, но энтузиазм и еще бурлящее во мне возмущение от новости придавали мне уверенности в себе. Уже вскоре я принес готовую статью и шарж ему на суд:

«На жизнь объявлен был лимит.

Четыре шанса даровали!

Довольный депутат сидит

И требует, чтоб подавали!

Вчера официально утвердили лимит на количество бесплатных вызовов кареты скорой медицинской помощи в год каждым гражданином. Теперь все кто будет нуждаться более чем в 4 шансах на спасение должны платить или уповать на судьбу. Сделано это было, как сообщил пресс-секретарь президента в целях экономии бюджета. Однако раздача крупных сумм денег в долг даже не самым дружественным по отноше-

нию к нашему государству странам и впоследствии прощение этих самых долгов, по мнению главенствующей верхушки, на бюджете никак не сказывается и продолжают это делать. В то время как граждане, которые и создают этот самый бюджет уплатой налогов в казну, остаются все более брошенными на выживание в условиях более и более тяжелых с каждым днем. Которые щедро ухаживают те, кто, позабыв о долге, не забывает о себе».

– Это будет «бомба»! – Воскликнул Гюго и немного потряс перед собой рукой державшей мою статью. – Уверен, эти слова никого не оставят равнодушным и как нельзя лучше донесут суть события. У тебя хорошо получается. Не хочешь ли и дальше писать статьи сам? – Спросил он меня, затем встал со своего кожаного кресла и подошел ко мне.

– Скажу так: я бы не отказался от такой возможности, если считаете мою писанину достойной. – Ответил я утомленным голосом.

– Значит решено. В крайнем случае, статью можно переписать или заменить, если вдруг получится недостаточно хорошо. А эту отправим сегодня же вечером в печать для завтрашнего выпуска. – Ответил Гюго уже более тихим голосом, будто погрузившись уже в собственные мысли, повернулся к своему столу, взял с него какую-то стопку бумаг и, сложив их в одну руку с моей статьей, направился к выходу из кабинета.

В тот вечер Гюго решил лично запустить процесс печат-

ти тиража и присутствовать при этом до его завершения. Я не понимал для чего ему это нужно, но так и не решился спросить, лишь молча наблюдал за происходящим. Домой мы вернулись только в десятом часу. Я был измотан и голоден. Мысленно я уже видел предстоящий ужин и ожидающую меня постель. Но к моему удивлению, едва мы подошли к двери, и, не успев зайти в дом, как Гюго предложил мне прогуляться в парке недалеко от их дома.

– Сегодня чудесная погода. Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться перед ужином в парке и подышать свежим воздухом, после проведенного дня в душных помещениях?

Погода и правда стояла чудесная, не то, что вчера. Было относительно тепло и сухо. Ненавязчивый ветер был почти незаметен, а небо чистое и манящее звездами. Я бы даже снял и оставил цилиндр. Мне нравится, когда легкий ветер чуть треплет мои не слишком короткие волосы.

– С удовольствием составлю Вам компанию. – При всем моем желании утолить голод и в тихом одиночестве переварить ужин и все что произошло со мной за день, других вариантов ответа в моей голове даже не было.

– Вот и замечательно! – Восторженно добавил Гюго.

С этими словами мы вошли в дом. Месяе завернул в гостиную. Чуть позади него следовал я, отстав всего на секунду, пока клал свой цилиндр на столик в прихожей. В дальнем конце комнаты, в которой еще вчера я отогревал дрожащие руки, в правом углу стоял маленький круглый стол с на-

стойной лампой. По обе стороны от него в креслах сидели жена и дочь Гюго за чтением какой-то книги, а между ними на паркетном полу лежал черный пес. В левом же углу стоял книжный шкаф.

– Литературный кружок в сборе! – С улыбкой на лице громко произнес месье Гюго.

– Теперь да. – С ответной улыбкой сказала Вивьен, заложив закладку закрыла книгу и бережно положила на стол.

Пес тотчас отреагировал на разговор, поднял морду и повернул в нашу сторону, затем видимо убедившись, что уши его не обманули, быстро вскочил и подбежал к месье.

– Мы его утомили своим чтением так, что он даже уснул. – Сказала дочь.

– Теперь он вдвойне будет рад вашим вечерним прогулкам. – Шутя заметила мадам.

– Пойдем же скорей, мой друг. – Не тая радости произнес месье и погладил по голове пса, постепенно переходя на шею и двигаясь к ребрам почесал его за бок.

Парк был расположен в центре улицы и огорожен кованым забором с разнообразными узорами, в основании которого была красная кирпичная кладка. Все это довольно гармонично смотрелось с фонарями, которые освещали тротуар и подобные которым были на любой другой улице. А вход был обрамлен кованой в том же стиле что и забор аркой. Уже была осень. И обнажающиеся деревья с их желтеющими листьями в темное время суток выглядели довольно тревожно,

тем более что вокруг не было видно других любителей поздних прогулок в безлюдном парке. Зато между ветвей деревьев можно было увидеть звездное небо и месяц, который освещал Землю и будто наблюдал сверху за тем, что происходит на ее спрятанной в тень поверхности. К тому же с нами был довольно крепкий черный пес, который бегал неподалеку и все время что-то искал. Так что бояться было нечего и можно было насладиться тишиной и спокойствием, которые я так ценю, вдыхая при этом чуть морозный и душистый запах осени во всех ее нотках местной флоры.

– Мне подарила его несколько лет назад моя жена Элен. В тот год случился пожар. И издательство сгорело почти дотла. Оставались только стены и название. Я хотел как можно скорее его восстановить и вернуть сотрудникам работу, себе любимое дело, а публике полюбившуюся газету. Но у меня не было достаточно денег. И я обратился к моему старому другу, которому в свое время я занял довольно крупную сумму, чтобы он смог рассчитаться с долгами и продолжил развивать свою ювелирную лавку. К слову, я даже не напоминал ему про долг до того дня. Его бизнес процветал и расширялся, к тому моменту у него уже было три ювелирных лавки в разных концах города. Когда я пришел к нему в первый раз за помощью, он отказал мне, сославшись на тяжелое материальное положение и недобросовестных партнеров, взявших деньги и не присылающих на реализацию новые украшения. Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды он не

предложил мне продать мой единственный дом ему, причем не по самой выгодной цене. И тогда бы моей семье пришлось жить в отстраивающихся руинах, в то время как он совсем не бедствовал, хоть и постоянно отговаривался, повторяя жалобы на своих партнеров. В тот миг я четко для себя решил, что этот человек мне больше не друг, и найду другой выход из ситуации, но на эту унижительную сделку никогда не пойду. Рассчитывать нам было больше не на кого. И те небольшие сбережения, что у нас оставались, я частично вложил в перепланировку и обустройство нашего дома, и вскоре мы стали сдавать второй этаж и часть первого обеспеченным людям, желавшим поселиться в этой части города, а в столовой как в ресторане подавали постояльцам завтраки, обеды и ужины. Сами же с прислугой теснились на третьем этаже. Эта затея удалась, и вскоре у нас было достаточно денег, чтобы начать восстанавливать семейное дело. Я обошел всех своих сотрудников и предложил вместе потрудиться на общее благо, пообещав долго не оставаться перед ними в долгу. Вернуть удалось не всех. Многие уже нашли себе новое место. Некоторые из них ушли к конкурентам. Общими усилиями с теми кто остался мы быстро вернулись к прежнему течению дел и вернули газету на ее заслуженное годами место, добавив в свои ряды неопытных новичков, среди которых позже был и ты. Но еще некоторое время мы продолжали сдавать комнаты нашего дома уже знакомым нам теперь людям. С тем же товарищем я больше не имел никаких дел. И вот од-

нажды, когда я пришел домой после работы, у двери меня встретила Элен. На руках у нее был маленький черный щенок с висячими ушами. Она протянула ко мне свои руки и произнесла: "Это щенок породы кане-корсо. Этот друг тебя никогда не предаст". Мораль такова, Альберт: не стоит надеяться на взаимную помощь, когда что-то делаешь для других. Помогай, если считаешь нужным, но так, чтобы в трудный момент у тебя осталось что-то и для себя. Найдется много "друзей" желающих урвать от твоего наследства кусок и только собаке будет неважно сколько у тебя денег, для того чтобы быть рядом. Редкий человек способен на такую преданность.

Все это время мы бродили по парку, пока не присели на одну из скамеек. А я молча и внимательно слушал его историю.

– Ну что же, пора возвращаться. Басти! Ко мне! – Позвал он пса, и мы направились домой.

Когда мы вернулись, то стол уже был накрыт, но без нас ужин не начинали.

– Все уже готово. Идемте ужинать. – Сказала встретившая нас мадам Гюго.

Я вымыл руки и направился в столовую. Когда я пришел, все уже сидели за столом.

– Если позволите, я хотел бы взять ужин и пойти к себе. – Сказал я, едва успев войти в столовую.

– Вам не нравится наша компания? – Спросила мадам.

– Нет, что Вы, дело не в этом. Вы одни из немногих людей, кто мне по-настоящему приятен.

– Но в чем же тогда дело? – С серьезным видом спросила Вивьен.

– Просто... Я люблю уединение.

– Так ты домой? Верни потом хотя бы посуду! – Смеясь, произнес месье.

– Ха-х... – Улыбнулся я. – Даже вымою ее, перед тем как вернуть. – И направился наверх, в свою комнату, взяв в одну руку тарелку с отбивной из говядины и овощами, а в другую бокал красного вина. Войдя в комнату, я аккуратно включил свет рукой, в которой у меня был бокал и ногой закрыл за собой дверь. Затем поставил его на прикроватную тумбочку, тарелку положил на постель близ той самой тумбочки, а сам, небрежно скинув ботинки, с ногами залез на кровать. Поставил подушку к спинке возле стены и удобно расположившись, начал свою трапезу.

Посреди ночи я проснулся от ощущения холода и неуютности. В комнате было темно. Заспанными глазами я едва различил стоявшую на тумбочке тарелку с приборами и бокал на ней. То как я их поставил было последним моим воспоминанием, более подходящим на сон. В состоянии непреодолимой дремоты я скинул с себя одежду и забрался под одеяло. Это было поистине мгновением блаженства.

Глава 2. Ключ.

Часть I

Гюго стоит на втором этаже у окна напротив лестницы в маленьком зале между комнатами и погруженный в мысли непрерывно смотрит куда-то вдаль. В левой руке он держит кружку, в которую налит горячий кофе. И не в пример погоде он должен был его согреть в это полное от измороси сырой прохлады пасмурное утро. В это время из своей комнаты выходит Альберт, в руках у него посуда со вчерашнего ужина.

– Доброе утро, месье. – Сказал я, выходя из комнаты и увидев Гюго стоявшего неподалеку.

– Доброе, Альберт. Ты проспал завтрак. – Не глядя на меня ответил Гюго, а затем повернулся ко мне и сделал глоток ароматного кофе.

– Ничего страшного, зато мне меньше мыть посуды. – Я улыбнулся и приподнял, как бы демонстрируя, тарелку.

– Я тоже так подумал. И поэтому, чтобы не будить тебя, тихо съел твою порцию. – Весело ответил Гюго, демонстративно потирая свободной рукой свой давно округлившийся живот.

После небольшой паузы я уже хотел пойти вниз, когда он остановил меня своим вопросом.

– Я знаю, что у тебя сегодня выходной, но не хочешь ли после обеда поехать со мной в редакцию и узнать, как идут

продажи выпуска с твоей статьей? Все-таки это твой дебют в роли репортера.

– Я бы хотел, но пора вернуться домой и оценить потери, да и начать приводить все в порядок.

– Это правильно. Как я понимаю, сегодня ты все еще будешь ночевать у нас?

– Скорее всего, да. Придется как минимум еще на одну ночь воспользоваться Вашим гостеприимством, пока не вычищу у себя всю золу.

После этих слов я медленно начал спускаться по лестнице.

– Удачи тебе, в этом нелегком труде. И помни, Золушка! Ровно в двенадцать двери будут закрыты!

Я ничего на это не ответил и даже не обернулся, лишь тихо усмехнулся, поняв его шутку.

Когда я шел на кухню, чтобы отнести и вымыть посуду, и проходил через столовую, то в это время мне навстречу вышла кухарка. Это было немного неожиданно для меня. Хотя бы потому что за все дни, что я здесь жил, еще не встречался с ней. Она оказалась довольно мила лицом и хороша фигурой, хоть была уже не юна. Это было первым, на что я обратил внимание.

– Давайте мне Вашу посуду, я ее вымою. А Вас давно уже ждет завтрак на столе. – Приятным скромным и ровным голосом обратилась она ко мне, даже не взглянув мне в глаза.

– Благодарю. – Это все что я смог ответить ей вслед.

О, эти две маленькие аппетитные булочки! Чарующие

своей изящностью плавные формы! Возбуждающий дивный запах... Это была любовь с первого взгляда. Даже сосало под ложечкой. Я готов был пустить слюни, настолько я себя уже не контролировал в тот момент. Основной инстинкт брал свое. На столе была чашка крепкого кофе с булочками... Рядом со скромным, но приятным завтраком стояла сливочница и сахарница. Я добавил в темный напиток три чайных ложки белого счастья и сливок, больше чем нужно, чтобы просто забелить. Каждый рецептор у меня во рту был в восторге и хотел еще. Голод буквально заставлял меня чувствовать вкусы ярче.

Вскоре я уже отправился домой. Шел пешком, и времени у меня было достаточно. Приподнятое довольным желудком настроение постепенно сменялось тяжелыми мыслями о грядущем и прошлом. Кто был этот человек? А что еще более важно, кто его послал? Что я найду на месте моего жилища? И чего еще стоит ждать? Я бы и рад гнать прочь тяжелые мысли, но ведь от этого зависит моя жизнь. Пока я крутил их в голове, сам не заметил, как уже добрался до дома. Откинув размышления, я сосредоточился на том, что меня окружало, поднимаясь по лестнице. Дверь в квартиру была прикрыта, оставалась лишь небольшая щелка. Медленно и неуверенно я приоткрыл ее... Все было очень печально. Небогатый и даже скудный интерьер был разрушен огнем. Наконец я решил войти и сделал пару шагов вперед и не глядя потянул руку, чтобы прикрыть за собой дверь, как вдруг ощутил что-

то непривычное, что-то, чего там не должно было быть, не считая поломанной ручки. Я обернулся и увидел на ней, ви-сящий на шнурке, ключ.

– Ключ?! – Недоумевая произнес я, нахмутив брови. Это был явно не мой ключ, и я не понимал, кто и зачем его тут оставил. На секунду у меня возникло желание выбросить его из своего дома как обычный мусор, но проигнорировал этот порыв. Опустив взгляд ниже, я заметил еще один посторонний предмет в углу у двери. Это была банка из под рыбных консервов "Морская легенда". Это уже почти вывело меня из себя. Посторонние предметы, тем более разбросанный мусор отнимали у меня мой дом. Но взяв их в руки, я решил не выбрасывать. Необъяснимое сомнение остановило меня. Поэтому положил их на то, что раньше было тумбочкой в коридоре. По сути, она всего лишь немного обгорела, потому что стояла именно там, где прошла граница между тем, что успели и не успели спасти пожарные. И этот пяточок перед входом в квартиру выглядел как островок на фоне пепелища и голых кирпичных стен покрытых сажей. – Какой кошмар... – я провел пальцами по стене, взглянул на испачканную руку и растер грязь между подушечками пальцев. – И это мой дом, вся суть моей жизни. Без слез не взглянешь и не уйти от этого...

С этим надо было что-то делать. Как минимум нужно было найти мешок под мусор. Я вышел из квартиры и постучал в соседнюю дверь. Тишина... В квартире напротив я услы-

шал голоса и сразу постучал туда. Там жила большая семья, и они занимали обе смежные квартиры. Наверняка у них нашлось бы даже что-нибудь из инструмента. Мгновенно все замерло. Через секунду послышались тихие шаги у двери. Едва мерцавший в глазке свет накрыла тень. Я вновь постучал.

– Извините, можно у вас одолжить что-нибудь из инструмента? У меня был пожар и теперь голыми руками не получится привести все в порядок.

В глазке опять показался свет, послышались тихие удаляющиеся шаги и шепот. Дверь мне так и не открыли.

– Никого уже не волнуют чужие беды... – С этими словами медленно вышла старушка соседка. – У меня нет инструментов, но может найдется что-то полезное.

– Был бы Вам очень благодарен, если хотя бы нашелся мешок.

– Кажется, был. Крепкий такой, из хорошей льняной мешковины. Пойдем, я тебе его дам.

Мы зашли. Она открыла шкаф, стоявший в темном коридоре, пододвинула к себе рядом стоявший небольшой деревянный табурет, присела и стала копаться на нижней полке. Воздух в помещении был тяжелым и спертым. В тусклых лучах ненастного утра пробивающихся сквозь облака и прикрытые окна была видна парящая пыль. Это меня взволновало. Столько пыли я видел раньше лишь на самых грязных и неблагодарных работах, где несильно ценились чужие жиз-

ни. Те вещи, которые мне удалось увидеть в этой маленькой квартирке, лежали на своих местах, за исключением тех, которыми, видимо, она пользовалась. Такое впечатление у меня создалось, например, из-за аккуратно сложенных в шкафу вещей, пыль на полках которого была недвусмысленной, и одиноко стоявшей на кухонном столе кружки, возле которой бликовали еще свежие капли... Казалось, время здесь медленно угасает вместе с этой седоволосой миниатюрной и невзрачно одетой старушкой, которая уже еле передвигается и, тем не менее, которая единственная кто поддерживает огонек времени в этом месте.

– Вот же он. Всего один, но если использовать бережно, прослужит долго. – Старушка приподнялась и отдала мне мешок.

– Он очень мне поможет. Скажите, если я могу что-то сделать для Вас взамен. – Сказал я глядя на старушку соседку.

– Заходи хоть иногда рассказать, как идут твои дела, если не затруднит.

– Договорились. – Ответил я и едва заметно улыбнулся, продолжая смотреть ей в глаза. – Спасибо. До встречи.

Я вышел, замок за мной тихонько щелкнул.

Уже смеркалось. Я был усталым и грязным. Так много раз был наполнен мешок мной собственноручно и унесен прочь, что даже не верилось, что у меня столько всего было. Хотелось смыть с себя все остатки прошлого. Смыть с себя всю эту золу. И продолжить движение дальше. Я вошел в ванную

комнату, в ней было еще темнее, чем в комнатах полных вечернего света. Электричество я даже не пытался проверять, подозревая о состоянии проводки после пожара. Не закрывая за собой дверь, а точнее то, что от нее осталось, я начал снимать с себя одежду и буквально бросать на веревку, тянущуюся от стенки до стенки почти под самым потолком. Вообще в ванной комнате ничего не пострадало кроме двери, ведь гореть там было нечему. Я встал под душ, оперся одной рукой о стену и, глядя в пол, включил воду посильнее... Мое тело мне казалось совершенным: молодым, стройным и с живыми рельефными мышцами. И от того становилось печальнее. Абсолютное одиночество грозило оставить его исключительно наедине со мной и лишь в моих воспоминаниях через года, когда будучи дряхлым стариком об этом даже будет нельзя заикнуться, дабы не выглядеть старым чудачком, рассказывающим небылицы, в которые уже кажется сам не веришь.

Через десять минут я уже стоял в дверях, намереваясь вернуться к Гюго. Как вдруг, проверяя по привычке свои карманы, нащупал во внутреннем кармане пиджака сложенную несколько раз двадчатку. Я достал и посмотрел на нее. Планы поменялись. И решение о том куда теперь идти будто само себя мгновенно приняло. Паршивое настроение понадобилось в исцелении через нагнетание его до пика, когда подобно извержению вулкана все вырвется наружу, причинит ужасную боль и потухнет, оставив пустоши, которые ко-

гда-нибудь еще возможно зацветут, став утешением спящего вулкана.

Часть II

Где-то на окраине города, среди пользующихся дурной славой трущоб Альберт рыщет по темным улочкам, которые освещаются исключительно тусклыми огоньками из окон, а в эту ночь еще и растущим месяцем, который то выглянет, то спрячется за быстро плывущими облаками мятежного неба. Внезапно он споткнулся и, падая, прильнул к стене, за дверью которой раздаются характерные для питейного заведения звуки: звон посуды, стук тяжелых ударов, споры и ругань, и наконец, утопающая в шумах музыка трех аккордов.

Я открыл дверь, желая убедиться, что нашел то, что искал. Едкий сигаретный дым сразу ударил мне в нос, сбил дыхание и защипал глаза. Тем не менее, я вошел туда. Пасовать перед трудностями никогда не было в моем стиле. Стараясь не привлекать к себе внимание разогретой алкогольными напитками толпы, быстро и уверенно, но осторожно пробирался к намеченной цели находившейся у стены противоположной входу. Это было самое освещенное место в этом помещении, ну, или мне так тогда казалось. Несмотря на это аккуратно расставленные на полках бутылки с желанными напитками хоть и привлекали внимание и были хоро-

шо видны, но были довольно блеклыми и почти не блестели. Я подошел к барной стойке и практически тут же присел на только что удачно освободившийся для меня высокий табурет. Быстро окинув взглядом представленный ассортимент, устремил свой взгляд на бармена, стоявшего всего в метре слева от меня. Это был довольно крупный мужчина крепкого телосложения средних лет в красной клетчатой рубашке и с серьезным лицом, окаймленным примерно недельной щетиной черного цвета и такими же черными, но гораздо более длинными волосами на голове. Он поднял глаза, повернулся и посмотрел в мою сторону, на мгновение застыл и сразу же отвел взгляд обратно, уставившись на стеклянный стакан в своих руках, который, кажется, стал натирать еще усерднее.

– Бармен! – Окликнул я его.

– Чего желаете, сэр? – Произнес тот в ответ, взглянув на меня всего на секунду, и снова опустил глаза, после чего все же медленно подошел, не убирая из рук стакан.

– Чего-нибудь покрепче и побольше на твое усмотрение из того что можно позволить себе на двадцатку. Только не лей никакого дешевого пойла из под прилавка.

– Сейчас сделаю. – Одобрительно ответил бармен и закинул белое полотенце, которым протирал стакан, на свое плечо и продолжил придерживать его рукой, в то время как другой уже убирал под стойку стакан и доставал рюмку.

– Откуда у тебя этот ожог на правой руке? Выглядит болезненно. Тебе стоило бы обработать его и наложить повяз-

ку. – Не думая даже сдерживаться, что было для меня совсем нетипично, высказал свое мнение бармену, увидев его рану, хотя теперь мне тот совет кажется нелепым и даже вредным, особенно если помазать ожог чем-то не тем.

– Да пустяки. Издержки профессии. Слишком горячительным оказался напиток. – Отшутился бармен.

Он быстро протер и поставил передо мной рюмку и столь же быстро взял какую-то бутылку с полки и налил мне. В то время как я все не сводил взгляда с его ожога. Моя рука спокойно потянулась вперед, глаза перенаправили мое внимание туда же, и в этот момент бармен неожиданно и резко поднес к рюмке подоженную спичку. Это меня ошарашило и привело в ступор. Напиток оказался не просто горячительным, а даже огненным. После чего уже совсем неторопливо он ненадолго накрыл все это какой-то крышкой и потушил. В какой-то степени это меня удивило и позабавило.

Я выпил первую рюмку залпом, немного поморщившись. Сказывалось отсутствие частой практики, да и с вином в доме Гюго это было не сравнить. Не знаю, что это было, но обожгло все мои внутренности. Я поднял пустую рюмку, и бармен уловил мой посыл и налил еще, но в этот раз он уже не повторил этот трюк. Не успел он убрать бутылку, как я выпил и эту, поставил рюмку на стойку и подвинул ее к нему, не отпуская. Он наполнил ее снова. На этот раз я просто подвинул ее к себе и вдумчиво смотрел сквозь нее. "Я так устал... устал от всего. Каждый новый день для меня как еще один

мешок песка на моих плечах. Я устал от одиночества. Возможно, окружающие думают, что я сам избегаю общения, но зачастую это всего лишь гордость, не позволяющая мне навязываться им... И только в минуты отчаяния и внутреннего опустошения это осознанный уход от всего в себя. Не спорю, у меня тяжелый характер, который не дает мне быть равнодушным, из-за чего я часто спорю, а порой даже высмеиваю людей. Но это лишь одна грань меня... Дающая начало другим, более светлым. О, боги! В моей вселенной пусто", – проносились мысли в моей голове. И я опустошил третью рюмку, жадно вливая в себя ее содержимое, пытаюсь этим заполнить ту пустоту. На этот раз бармен сам подошел. Я одобрительно посмотрел на него и кивнул. И он вновь наполнил сжимаемую мной рюмку до краев. Я выложил двадцатку и тут же заглотил уже знакомое мне жгучее и отталкивающее всем своим вкусом и запахом содержимое все той же рюмки. "О сколько раз ее уже наполняли?! А сколько еще наполнят и чем теперь? Сколько еще людей возьмут ее и, не задумываясь, оставят, испив до дна?... " – продолжал размышлять и печалиться еще больше. Я взял сдачу и, не пересчитывая положил в тот же карман, и погруженный в себя направился к выходу стараясь держать равновесие и фокусировать картинку в смыкающихся все плотнее глазах.

Я открыл глаза и с ужасом осознал, что не понимаю, где нахожусь. Голова дико болела, и еще больше от попыток думать. Во рту будто кто-то сдох... Возможно от голода. Забыл

уже, когда я в последний раз ел, но судя по возмущенному тогда желудку, давно. И все же я должен был разобраться в вопросе своего местоположения и того, что там происходит.

Я лежал на какой-то скрипучей пружинами койке, уткнувшись лицом в серую обшарпанную стену. Левая щека болела. Вероятно от того, что я уже долго на ней пролежал. Я приподнялся и стал осматриваться. В комнате было довольно темно, но благодаря пробивающемуся через маленькое занавешенное окошко свету было понятно, что она весьма скромных размеров, если не меньше, буквально только на две таких койки там хватило бы места. Потолок низкий, дверь отсутствовала, а больше смотреть и не на что. Я встал, медленно разгибаясь, боясь, что потолок окажется ниже меня, и направился искать выход. Пробираясь на ощупь все же наткнулся на лестницу, чуть выше был виден слабый свет рисующий прямоугольный контур. Осторожно поднимаясь, я все же благополучно достиг его. Каково же было мое удивление, когда я, выйдя из этого мрачного подземелья, вошел во вчерашний захудалый бар... Правда, теперь он был совершенно пуст. Вдруг с улицы в помещение вошел человек в рыбацком плаще. Меня охватило чувство тревоги порожденного дежа вю. Это оказался бармен. Одной рукой он закрывал за собой дверь, в другой же держал ведро. Узнав его я успокоился.

– Ну как ты? – Обратился ко мне бармен. – Голова не кружится? Не тошнит? – После чего поставил ведро у двери, а

плащ снял и повесил на вешалку рядом с ним.

– Сейчас я, кажется, ни в чем не уверен. – Недоуменно ответил я.

– Ты хоть что-нибудь помнишь? – Продолжил спрашивать бармен, одновременно поднимая стулья, переворачивая их и расставляя на столах.

– Что-нибудь определенно помню, а вот почему я уходил отсюда, но так тут и остался, нет. – Вдумчиво ответил я, так и не сходя с места.

– Тебе вчера не слабо досталось. У самого выхода столкнулся с местными дуболомами. Один из них и подправил тебе лицо.

– За что?! – Удивился я.

– Да почти даром! – С легкой усмешкой ответил бармен, взглянув на меня. – Задел ты его, когда слегка потерял равновесие. Так еще и внешность у тебя примечательная для этих мест. Они не любят чужаков, тем более тех, кто устроился в жизни лучше их. Пришлось тебя отбивать у них и тащить без сознания в свою каморку. – Продолжая заниматься своими делами, договорил бармен.

– Спасибо... Ну и дела. Пожалуй, я пойду, надеюсь, на этот раз без приключений. – Произнес я и направился к выходу.

– Ты если что заходи, не бойся. – Улыбаясь, сказал бармен. – Только оденься еще проще, чтобы не выделяться.

– Одеться проще? Вообще не сложно. Все мои вещи сго-

рели, так что эти теперь поизносятся. Ладно, прощай и еще раз спасибо за все. – Ответил я и тут же вышел.

– Прощай. – Задумчиво и тихо ответил бармен, взглянув вслед Альберту.

На улице идет сильнейший дождь, сопровождаемый мощными порывами ветра. Мрачные тучи будто столкнулись в противостоянии с чистым и спокойным небом и обрушились на город, проливая свою кровь. Можно подумать, что море теперь не только у побережья на окраине города, где и располагаются эти трущобы близ местного порта, но и уже в самом городе. Ручьи бегут по улицам потоками, неся в себе все, что смогли смыть, в том числе и много плохого, тем самым очищая...

– Теперь понятно, почему плащ. Однако совсем не дело воспринимать каждого человека в плаще за того нападавшего. Тем более что этот человек оказался весьма любезным. Однако об этом всем потом. Кажется, у меня еще остались деньги. Надеюсь, удастся найти извозчика в эту ужасную погоду. – Бубнил я сам себе под нос, спешно удаляясь от бара.

Часть III

Альберт, стараясь защититься от ливня, левой рукой держит ворот своего плаща поднятым, а правой удерживает на

голове цилиндр и, пригнувшись, бегаёт по узким улочкам между хижинами. Он в очередной раз заворачивает за угол, но на этот раз всего в нескольких метрах от него есть дорога и в тоже мгновение по ней проезжает, промелькнув перед ним, конный экипаж.

«Вот так удача», – подумал я тогда и тут же побежал вслед за извозчиком. Выбежал на дорогу и начал уже догонять его. На мои попытки докричаться и остановить его он не реагировал. Но на мое счастье, он ехал не очень быстро. По такой условной дороге как эта ехать быстрее было бы глупо, а тогда она вообще напоминала речушку. Оказалось это экипаж всего из двух лошадей запряженных в карету с откидным верхом. Не самый лучший вариант в такую суровую погоду, но даже это было в тот момент настоящим спасением для меня. Наконец я догнал его и запрыгнул в карету. Дождь бил нам вслед и потому большая его часть отражалась козырьком.

В ней сидела нарядная стройная дама, но совсем не худощавая, а напротив – с пышными формами, но напоминающими песочные часы. Из под подола ее платья сливочного оттенка с маленькими узорами в виде розовых цветочков были чуть видны икры ног гладкие чуть смугловатые без каких-либо дефектов. На стопах ее были несколько более темные, чем платье туфли почти карамельного цвета с закрытым носом и на небольшом каблуке. Это было вообще первое, что я тогда в ней рассмотрел и лишь через несколько се-

кунд, когда поднял свой взор выше, увидел, что на ней было еще и пальто чуть выше колен в тон с туфлями. А на сложенных у живота руках не было колец ни на одном из пальцев. «Вероятно еще незамужняя», – подумал тогда я. А сама она не юная, но молодая девушка с длинными, чуть ниже плеч, прямыми темно-русыми волосами и в маленькой шляпке напоминающей своим видом перевернутый горшок с коричневой ленточкой по кругу и аппликацией в виде белого с бледно-зеленым цветка. Сама же шляпка была в той же цветовой гамме, в которой был выдержан и весь ее наряд.

– Здравствуйте, сеньорита. Позвольте Вас сопровождать, по крайней мере, до тех пор, пока нам по пути. – С улыбкой и глядя ей в глаза произнес я и уверенный в неизбежности положительного ответа присел рядом. Наверное, потому, что даже отказ меня бы тогда не остановил.

– Ну что же... Не вижу на Вас спасательного жилета. Так и быть, сопровождайте, а то вдруг еще плавать не умеете. – Несколько холодно и практически не глядя на меня ответила она.

– А куда мы, кстати, едем? – Поинтересовался я у нее, переведя взгляд с нее вперед, а потом обратно.

– Ресторан "Олимп". Если это о чем-то Вам говорит. – Произнесла она и в этот раз даже полувзгляда не бросила в мою сторону, но чуть задрала нос.

– Так у нас уже свидание? – Спросил я, посмотрев на нее и сделав небольшой наклон в ее сторону. – Я как-то немно-

го не готов. Думал, оно будет вечером. – Продолжил свою речь, при этом поднял голову чуть вверх и повернул слегка в сторону от нее и также закатил глаза, и стал задумчиво по-тирать щетину на своем подбородке, а затем вновь перевел взгляд на нее.

– Вот уж нет. – С легким возмущением в голосе ответила она, наконец, посмотрев на меня.

– Почему же так категорично? – После чего перевел взгляд вперед. – Я был практически согласен...

– Вы... Давай перейдем уже на "ты". Ты совсем не в моем вкусе. – Еще более возмущенно произнесла она при этом, как мне показалось, осмотрев меня с головы до ног и обратно. А ботинки у меня в тот момент были как родники, из которых сочилась вода, да и все остальное уже наверняка выглядело не очень презентабельно.

– Это не страшно. – Снова повернулся к ней и продолжил. – Меня ведь не подадут на основное блюдо в ресторане.

Она с молчаливым укором посмотрела на меня.

– Ну ладно... Нет так нет. Я так понимаю знакомиться тогда нет смысла. – С привычным разочарованием спокойно добавил я.

Всю оставшуюся дорогу мы не проронили ни слова. Привлекательная незнакомка так и осталась для меня незнакомкой, правда уже не такой привлекательной. Я расплатился с кучером, как только мы стали проезжать неподалеку от нужной мне улицы, после чего в кармане у меня осталось все-

го три злоуна, которых едва ли могло хватить на что-то полезное. Но меня ободряла надежда на скорое вступление в наследство, которое судя по всему было очень внушительным. Собственно для того чтобы уточнить насколько скорое я и приехал сюда, собираясь на этот раз встретиться лично с нотариусом. Я спрыгнул со ступеньки кареты. На прощанье еще раз взглянул на полную безразличия незнакомку и слегка приподнял правой кистью руки свою высокую шляпу и чуть кивнул в знак прощания, что не осталось для нее незамеченным, но на что она в очередной раз ответила отведением своего взора в другую сторону. Дальше мне пришлось идти пешком, прежде чем я добрался до дома, в котором был офис мистера Сэллинга. Ливень значительно ослаб, и теперь это было небольшое накрапывание. Дороги в этом месте были куда в более лучшем состоянии и не были похожи на русла рек. Как-никак по сравнению с трущобами эта местность находилась на возвышенности. И дренажные системы работали хорошо, но что важно – были. Однако я уже успел сильно промокнуть и все еще таким и оставался, от чего продрог и хотел как можно скорее добраться до офиса нотариуса, где помимо прочих дел собирался еще немного обсохнуть и согреться.

Вскоре я наткнулся на серое каменное четырехэтажное здание, украшенное непонятными узорами из лепнины и с массивными высокими двойными дверями с резьбой насыщенного коричневого цвета и медными дверными ручками.

Это и было то самое здание, которое я уже посещал дважды. Я зашел внутрь, прошел мимо стойки, за которой сидел охранник, повернул в сторону лестницы и быстрыми шагами через одну ступеньку поднялся на третий этаж, завернул налево и подошел к двери офиса Сэллинга. Я повернул ручку и собрался войти, но дверь оказалась заперта, хотя это был уже не ранний час. Это меня несколько смутило, и я решил у кого-нибудь поинтересоваться, придет ли он сегодня. Тогда я вспомнил про охранника на входе, который вероятно мог про это знать куда больше чем кто-либо еще в этом здании, и незамедлительно стал спускаться к нему. Подошел к стойке, где увидел пожилого мужчину с седыми редеющими волосами и некрупного телосложения в специальном костюме черного цвета и вежливо, но решительно обратился к нему.

– Здравствуйте. Извините, а Вы не знаете, мистер Сэллинг сегодня будет здесь?

– Здравствуй. Не думаю, что это возможно. – Ответил он тихим голосом глядя мне в глаза и выдержал короткую паузу, после чего продолжил. – Мертв он. Позавчера до обеда еще нашли его повешенным в собственном кабинете.

– Вот это новость! – Тревожным голосом с чуть повышенным тоном произнес я, схватившись обеими руками за голову, которую уже наклонил вниз, и начал топтаться, сделав один круг вокруг своей оси, и снова повернулся к старику, опустил руки и поднял взгляд с пола на него. – А его помощник?! Что с ним?!

– Он его и нашел. А более ничего сказать не могу, не знаю. Не появлялся он здесь больше после того.

– А как же теперь быть с завещанием?! Оно же у него лежало! У Сэллинга!

– Тут уж ничем помочь не могу. Может, в полиции что подскажут. Может даже оно у них. Ведь они собирали там что-то, увозили.

– В любом случае спасибо Вам за помощь. Я пожалуй пойду... Прощайте. – Уже задумчивым и тихим голосом, снова потупившись в пол, ответил ему я, развернулся и стал уходить.

– Удачи. – Произнес он вслед.

Недолго думая, я решил, что совет охранника про полицию очень даже дельный. Туда-то я и направился сразу же, но, конечно, пешком. Ведь денег уже почти не было: как тех что у меня уже были, так и тех что только должны были быть. А между тем уже очень хотелось есть, но и тошнило от этой мысли одновременно... А вот пить хотелось однозначно и было очень даже нужно. Иногда, когда никого не было рядом, я ловил капли дождя ртом пока шел в полицейский участок, до того была сильна жажда, но этого определенно было недостаточно, учитывая что это был уже не такой сильный дождь как кода я вышел утром из бара. И как же я был рад увидеть питьевой фонтанчик, проходя через маленький сквер, даже облегченно выдохнул в тот момент. Быстрее подошел к нему и нажал на педаль у его основания. Вверх вы-

билась низкая струйка чистойшей, холодной воды, которую я тут же стал жадно хватать ртом и пить, пить и пить на одном дыхании. И даже когда кислорода в крови уже не хватало, продолжал еще какое-то время не желая останавливаться. Но все же пришлось сделать небольшую паузу на вдох, после чего сделал еще три или четыре глотка, и довольный постоял около него еще несколько секунд. Затем еще и умылся, и только после этого направился дальше, но не так чтобы очень далеко...

Забор из прямых металлических прутьев, за которым и был нужный мне полицейский участок, виднелся через дорогу в конце сквера. Необъяснимым образом этот забор вызывал у меня тогда чувство тревоги и совсем не ассоциировался с безопасностью. Однако все-таки мне нужно было туда прийти. Не сразу, но я понял, в какую дверь мне надо было войти. Оказалось, что там был не только участок, но и общежитие для полицейских и их семей. Как же нелепо я себя тогда чувствовал. Ведь я совсем не ожидал это увидеть там и даже думал, что не туда попал и, будучи весь в сомнениях никак не мог решить, что делать: уходить и искать дальше, признав, что где-то что-то напутал и ошибся адресом или же все-таки не ошибся и тут есть какой-то тайный вход! И он был. И я его нашел. Только тогда мои чувства постепенно стали упорядочиваться вслед за мыслями.

Когда я вошел внутрь и сказал дежурному кто я и по какому поводу, тот вышел из своей комнатки с большим окном

с решеткой и стеклом, которое нас разделяло в момент разговора, и открыл запертую решетчатую дверь в перегородке на моем пути к лестнице, за которой где-то там был кабинет следователя ведущего дело о смерти Сэллинга. После продолжительного ожидания, меня все-таки пригласили в кабинет. Сделал это выходящий оттуда мужчина, который, как я тогда подумал, был фигурантом одно из дел, которое тоже вел этот следователь.

– Здравствуйте. – Произнес я сразу, как только перешагнул порог кабинета и стал закрывать за собой дверь.

– Здравствуйте. – Ответил следователь, посмотрев на меня. – Присаживайтесь. – И указал рукой на деревянный стул, затем вновь опустил голову и продолжил перебирать какие-то бумажки на столе. – По какому поводу? – Спросил он уже более тихим голосом, почти себе под нос и не утруждая себя тем чтобы закончить предложение.

– Я по делу о смерти Стюарта Сэллинга. – Спокойно ответил я, присаживаясь на тот стул возле стола следователя, стоявший напротив него по левую руку.

– Вы хотите что-то рассказать касаясь его гибели? – Спросил он все тем же незаинтересованным тихим голосом.

– Нет. – Немного смущенно ответил я.

– Вы его родственник? – Все также спрашивал следователь, бросив лишь короткий взгляд в мою сторону.

– Нет. – Уже чуть более уверенным голосом сказал я.

– А какое тогда отношение Вы к нему имеете? – Раздра-

женно спросил следователь уже более грубым и громким голосом, чем прежде, перестав перебирать бумаги и отложив их в сторону, и наконец, снова подняв взгляд на меня.

– Он был нотариусом моего деда, и у него должно быть храниться его завещание, которое накануне своей смерти Сэллинг озвучил. Оно-то мне и нужно для вступления в наследство. Потому я и пришел к Вам, узнать здесь ли оно и как и когда можно его получить.

– Почему Вы думаете, что он умер на следующий день после того, а не в какой-то другой день, например? И какого числа Вы видели его последний раз и при каких обстоятельствах?

– Так вот на оглашении завещания первый и последний раз я его и видел. Было это второго октября в его офисе на Лойер стрит. А думаю я так, потому что сегодня я снова приходил туда, чтобы встретиться с ним по этому поводу, но по известным уже причинам не застал его там, а затем охранник на входе рассказал мне о том, что позавчера Сэллинга нашли повешенным в его кабинете.

– Ясно. Действительно позавчера в первой половине дня мы выезжали на место происшествия, но в ходе следствия пришли к выводу, что это самоубийство. А это завещание вполне может быть у нас, дело уже почти закрыто и вскоре Вы сможете его забрать. Назовите только имя волеизъявителя.

– Ричард Прауд.

– Ого! – Удивился он. – Такого у нас точно нет. Я бы запомнил столь значимое имя. И Вы его внук?

– Да. Как выяснилось на оглашении завещания. Я сам был удивлен.

– Ну что же. Рад за Вас и в тоже время соболезную. Желая Вам найти это завещание где бы оно ни было.

– Спасибо. До свидания. – С этими словами я встал со стула, собираясь уходить.

– До свидания. – Ответил следователь и даже привстал, и чуть наклонился вперед, протянув ко мне правую руку. Мы попрощались, и я ушел.

Что теперь делать я совершенно не понимал. Нотариус мертв. Завещание исчезло. Как же мне теперь получить то, что мне завещалось? Ведь я не был его законным внуком, и иных путей во вступление в наследство получается у меня не было. А это значит: и снова здравствуй, беспроглядная бедность.

Часть IV

Альберт стоит у двери в своей квартире. Подходит к тумбочке, смотрит на консервную банку и ключ, которые вчера оставил там, берет их в руки и начинает рассматривать. Затем кладет их обратно, берет лежащий справа от тумбочки мешок, который вчера ему дала старушка соседка, выходит на лестничную площадку и стучится к ней дважды в течение

полуминуты. Примерно через пару минут дверь открывают.

– Здравствуйте. Я пришел вернуть Вам мешок, который вчера одолжил. – Сказал я и немного протянул вперед руку с мешком.

– Уже закончил уборку в квартире? – Спросила старушка меня тихим несколько заторможенным голосом. – Ты проходи, Альберт, рассказывай. – Все тем же голосом продолжила она и медленно распахнула дверь, после чего я вошел. – Будешь чай? Пройди на кухню. – Затем взяла у меня мешок, сложила и стала убирать в шкаф. Тем временем я уже зашел на кухню и сел на ближайший к выходу стул.

– Крупный мусор я вынес, но там теперь без ремонта не обойтись. – Ответил я на ее вопрос и поднял глаза на большие круглые часы, висящие над выходом из кухни, было уже двадцать минут четвертого.

– С этим ты справишься, я не сомневаюсь. Парень молодой, здоровый. – Ответила старушка, заходя в кухню. – Ты с чем чай будешь? Есть варенье из смородины, есть мед этого года: хороший, тягучий, есть немного сливочного масла, можно бутерброды сделать. – Продолжила она, доставая кружки из старого невзрачного шкафчика над раковиной.

– Я бы скомбинировал. – Ответил я с радостной улыбкой, ведь уже больше суток ничего не ел. В это время она уже ставила кружки на стол.

– Ну, вот тогда тебе варенье и мед. – Произнесла и повер-

нулась к тумбочке рядом с раковиной, и достала из нее две литровые банки, затем поставила их на стол передо мной и продолжила. – Посмотри там, на банках, на наклеенных бумажках должно быть написано, что в них, а то я плохо вижу. Сейчас еще масло и хлеб достану. – Сказала и затем опять повернулась туда, и из шкафчика над той же тумбочкой достала целый батон белого хлеба и масленку с основанием из металлической прямоугольной блестящей пластины и крышечкой-куполом той же формы, но из стекла и с маленьким металлическим, как и основание, шариком в центре сверху, через которую был виден кусочек масла размером чуть меньше чем вдвое той самой масленки. – Держи, делай бутерброды, какие хочешь, а я пока наведу чай. – Добавила она и принялась разливать по кружкам заварку и воду из чайников. – Девушку себе еще не нашел?

– Девушек я встретил много, но моей среди них не было...
– Ответил я, намазывая мед поверх масла на куске хлеба.

– Не отчаивайся и продолжай искать. Жизнь в одиночестве не сладка. Мне вот теперь, после смерти мужа, и поговорить зачастую не с кем. Ни детей, ни внуков. – Тоской в голосе отозвались ее эти слова про детей.

– Я понимаю, что одному не сладко, как и жизнь с кем-то тоже не без проблем. Уверен, что я не раз бы еще пожалел о том, что жил бы с ней, однако еще не раз был бы этому очень рад. Я знаю, о чем говорю, потому что знаю ту, которая навела меня на эту мысль...

– Так и хватай ее!

– У нас то чувство не взаимно. Возможно, даже противоположно. – С тоской и грустью рассказывал я. – Я рад и благодарен, что она была в моей жизни, и буду помнить только хорошее. – Сказал и надкусил бутерброд, держа уже наготове кружку чая.

– Никак влюбился в нее. И куда она только смотрела?... – Сочувствуя, произнесла старушка и сделала небольшой глоток чая.

Было видно, что, несмотря на печальный окрас темы разговора, старушка расцветала и становилась веселей, может даже счастливей. Наверное, она нуждалась во мне в тот момент не меньше чем я в ней. Ее мешок и чаепитие, можно сказать, помогли мне физически, но мое присутствие в ее жизни в тот момент, наверняка было не менее важным. Да и я был не менее одинок, чем она. Ведь из живых родных у меня были только родственники по линии деда. Кто знает, как бы все могло сложиться, не будь тогда у меня необходимости обратиться к ней в поисках помощи. Очевидно, мы все нуждаемся друг в друге, но как жаль, что помогаем, зачастую, только тогда, когда эта нужда взаимна!

– Альберт, я вот что вспомнила! Позавчера вечером, когда уже стемнело, я выходила из квартиры, чтобы пойти подкормить кошек на улице, как из твоей квартиры вдруг выскочил парень твоих лет в хорошем костюме. И мы почти столкнулись лицом к лицу, потому я его почти смогла рас-

смотреть. Кажется я его видела утром за день до того у нашего подъезда. И затем он побежал по лестнице вверх. Я тогда очень удивилась и не сразу поняла. Не успела ничего сказать, как его уже и след простыл. Я на всякий случай прикрыла дверь в твою квартиру, чтобы никто не знал, что она открыта и не шнырял туда.

– Кажется, я догадываюсь, кто бы это мог быть... И понятно теперь откуда этот ключ и консервы... Все начинает понемногу вставать на свои места. Спасибо Вам большое, что рассказали. Это может быть очень полезно. – Сказал я и сразу оживился. Я даже подскочил со стула и начал ходить туда и обратно по коридору возле кухни.

– Что за ключ? – не понимая спросила старушка.

– Вчера я нашел в своей квартире какой-то незнакомый мне ключ и банку из под рыбных консервов "Морская легенда". Похоже, он хотел мне что-то этим сказать, а теперь неизвестно даже где он. Но почему он побежал вверх?

– Так выход на крышу там, на верхнем этаже. – Подметила старушка.

– Точно! Все сходится. Значит все-таки это не было самоубийством!

– О чем ты, Альберт?! – Взволнованно спросила она.

– Этот парень – помощник нотариуса, у которого было завещание моего деда и которого убили в тот день, когда Вы столкнулись с тем парнем у дверей.

– Страсти-то какие... Что же это творится с людьми?! –

Разволновавшись, произнесла старушка.

– Что и всегда – внутривидовая борьба и стремление к власти. Спасибо Вам за все! Я побегу! Возможно мне удастся разгадать этот ребус! – Воодушевленно ответил я и направился к выходу.

– Будь осторожнее! Береги себя! – Донеслось мне вслед с кухни ее пожелание.

– Постараюсь! До свидания! Я еще забегу к Вам! – Громким голосом ответил я, остановившись у двери, и затем быстро вышел вон.

Глава 3. Принципы судьбы.

Часть I

Альберт выбегает из подъезда своего дома, останавливается и оглядывается по сторонам. В руках у него шнурок, на котором висит ключ, и этикетка от консервной банки, которая как лента свисает и развевается на слабом, но почти непрерывном ветру. Он поднимает руки, расправляет и натягивает между ними этикетку, зажав оба ее конца в руках, и начинает всматриваться в ее содержимое.

– Тут должен быть адрес офиса или завода. Хоть какая-то подсказка. Имеет смысл начать поиски оттуда. Только что конкретно искать? Или кого... Более очевидно было бы ис-

кать самого помощника нотариуса, вот только я даже не знаю как его зовут. Все что я о нем знаю – это небольшое описание его внешности и то у кого он работал до недавнего времени. Не густо, конечно, но и не безнадежно. – Рассуждал я вслух, бубня себе все это под нос. – А вот и адрес: «Вилонтбург, Порт стрит 17». Не так уж и далеко, но и не так уж близко, особенно когда нет денег на извозчика. Это же опять надо направляться в те трущобы... – Негодовал я все так же себе под нос тихим голосом. – Тем более уже скоро вечер. Пожалуй, стоит отложить это на другой день, возможно даже получится на завтра. А сейчас лучше всего было бы вернуться в дом Гюго. Возможно мне даже удастся занять у него немного денег. Это бы значительно облегчило и ускорило мои поиски завещания. – Произнес и после чего положил ключ и этикетку в правый карман брюк, и быстрыми шагами направился к Гюго.

Дорога к дому Гюго заняла больше времени, чем я рассчитывал. Быстрые шаги вскоре пришлось сменить на медленную, вальяжную походку из-за того, что начало сводить икры. Но это меня ничуть не огорчило, ведь теперь я мог себе позволить насладиться неспешностью бытия нашего города с умеренно оживленными улицами, по которым время от времени проезжали конные экипажи, а порой и конная полиция, и самым днем, очередным который мне было отведено прожить. И потому, независимо от погоды он был желанным. Я проходил мимо самых обыкновенных закусовых, где сквозь

большие окна было видно, как в полупустых теплых и уютных залах сидели за столиками и наверняка мило беседовали за десертом влюбленные парочки разных возрастов. От молодых и только начинающих строить свои отношения, до пожилых, но все еще счастливых пар. На них было приятно смотреть. В какие-то моменты мне даже казалось, что я и сам был поочередно на их местах, но затем мой взгляд остановился на одиноко сидящем мужчине, угрюмо попивающем что-то из своей чашки и с газетой в левой руке, которой он слегка как бы отгородился от мира, но при этом все же оставил себе возможность поглядывать по сторонам. И меня тут же пронзила нотка грусти с привкусом горечи, которая затем встала комом в горле и мгновенно вернула меня на мое место, где я будто так же одиноко сидел за своим столиком, пытаюсь уйти в себя, но все еще надеясь на перемены.

В подавленном состоянии полном грусти и с опущенной головой я прибыл к дому Гюго. Все мои проблемы, в том числе и связанные с поиском завещания, просто меркли в тот момент в моем сознании и казались второстепенными на фоне моей больной хроническим и неизлечимым одиночеством личной жизнью постоянно натыкающейся на непонимание.

Внезапно позади меня раздался тонкий кошачий писк. Я остановился и обернулся, и возле изгороди увидел серого с черными полосками пушистого котенка примерно двух или трех месяцев отроду, который бежал за мной. Он догнал ме-

ня. Я присел так, что почти встал на одно колено и взял его в руки, поднял до уровня своих глаз и вновь поднялся, держа его так.

– Ну что, карапуз, ты со мной? – Промолвил я, на что он мне ответил очередным своим писком. – Кушать, наверное, хочешь? Подожди немного, а пока посиди под плащом. – После чего прижал его к груди и прикрыл краем плаща так, что наружу выглядывала только его голова.

Пройдя всего несколько метров я был уже у двери дома в который и направлялся. На удивление дверь мне открыла Вивьен и практически сразу после того как я постучал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.